

КЛАВДИЯ ПАВЛЕНКО

БЛАГОДАРЯ И ВОПРЕКИ

Венки сонетов

ББК 96(Рос-Рус)94
П-222

Павленко К. — Благодаря и вопреки. — Венки сонетов — Издательство «Донской писатель» — Ростов-на-Дону — 2021 г. — 88 с.

ISBN 978-5-87612-124-X

© Павленко К. 2021 г.
© ООО «Издательство «Донской писатель» 2021 г.

Когда дано побед сторицей,
Вреда, – не проку – больше в них.
Ты в жизни многого достиг, –
Знать, время истово молиться!

К. Павленко

ПОЧЕМУ ВЕНКИ?..

От автора

Дорогой читатель, прежде всего, мне хотелось бы объяснить, почему я обратилась к этой не совсем обычной, непопулярной в наше время, старинной литературной форме. А для этого – немного, совсем немного – об истории её появления на свет.

Венок сонетов изобрели в Италии в 13 веке. Позже мир узнал английский сонет, французский...

На русском языке первый венок написал филолог Фёдор Корш в 1889 году. Венки сонетов привлекали внимание Александра Пушкина, Адама Мицкевича, Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина, Владимира Солоуха, Андрея Крылова, многих русских поэтов советского времени.

Поэт Иоганнес Бехер сказал о венке сонетов: «Это – эксперимент, рассчитанный на виртуозное мастерство поэта и адресованный читателю-знатоку, способному воспринять и оценить искусство его создателя».

Говорят, что венок имеет некоторую схожесть с поэтическим циклом. Отчасти, возможно, – да. Но он должен быть более целостным и не может объединять в себе разнородные по форме фрагменты. Это – очень трудная поэтическая форма. Здесь нельзя повторяться в подборе рифм, в особенности, знаковых рифм. Каждый венок состоит из пятнадцати сонетов и составляет единое литературное произведение. В свою очередь, каждый из пятнадцати сонетов должен соответствовать всем требованиям, поскольку сонет – это также твёрдая литературная форма и каждый – это самостоятельная единица, законченное произведение. А в венке каждый сонет, помимо сохранения твёрдой формы, должен поддерживать и развивать тему, общую для венка, чтобы, объединившись с ещё четырнадцатью отдельными сонетами, в целом стать законченным самостоятельным произведением. И, если это не удаётся автору, то венок не обретает необходимую для него красоту и ценность.

Для меня работа над венком сонетов – вариативна, увлекательна, всепоглощающа... «Продираясь» сквозь трудности формы, поневоле приобретаешь знания, которых не было, «нарабатываешь» навык, который раньше был как бы и ни к чему, – привычку не останавливаться на

первой попавшейся, лежащей на поверхности, рифме. Необходимость связать в единое целое отдельные сонеты заставляет думать, приучает к определённой дисциплине мышления, позволяет выразить свои взгляды и – обрести мастерство.

В книжице, которую ты, читатель, держишь сейчас в руках, собраны воедино пять венков сонетов, написанных мной до сегодняшнего дня. Они далеки от совершенства и я, конечно, при их сочинении зачастую отступала от канонического образца венка сонетов. Но мне они очень дороги. В них мои печали и радости, дни и ночи, праздники и будни. И, хотя я не претендую на высокую оценку, всё же, читатель, не суди очень строго!

Член СП России Клавдия Павленко

МОЛИСЬ О МИЛОЙ, НО ДРУГОЙ

«Мне хорошо в моей пустыне»

Николай Рубцов

Венок сонетов

1.

Ты говоришь, мне жить в пустыне,
Добро до ниточки раздав,
Где ни футбола, ни забав,
Ни пива с водкой нет в помине.

Да-да, о русской речь *святыне*.
Ты спрятал две бутылки в шкаф,
Слюну глотаешь, как удав.
Тоска, – огонь погас в камине.

И всё твердишь, мой дорогой,
– Мы нитью связаны тугой,
У нас с тобою – свой устав,

Гласящий чётко: с борщом –
Блины да водочка с винцом.
Наверно, ты, мой милый, прав.

2.

Наверно, ты, мой милый, прав.

Увы, мы вовсе не святые.

Нам не по нраву щи пустые,

И сотней сдобрены приправ.

Пусть упреждает нас Минздрав,

Что не полезны щи густые –

Мы, обыватели простые,

Не любим жить, оголодав.

Привыкли есть, как на убой

И запивать – само собой, –

Названья блюд не распознав.

Подруги – йогурт с огурцом,

А мы – ну, как перед концом...

Сказался мой стержозный нрав.

3.

Сказался мой стержозный нрав.

Хожу, молчу – подобна льдине, –
Промеж лопаток лёгкий иней,
Прохладой полнится рукав.

А ты, от холода устав
И от молчанья обессилев, –
Готов болтаться на осине,
Хоть был с утра – и бодр, и брав.

Давным-давно, гоним пургой,
Ты появился – бровь дугой!..
Огня и пыла столько было...

Хоть смотришь прежним молодцом,
Но отливает взгляд свинцом,
Когда влюблённость поостыла.

4.

*Когда влюблённость поостыла,
Молитву Господу воздав,
Неделю замертво проспав, –
Себя – любимую – простила.*

Обняв рябину – погрустила
В тени меланжевых дубрав,
Цветов оранжевых собрав, –
Ещё сиреневых купила.

Сияя новою серьгой,
Летала чайкой, пустельгой
Над пустотой чернильных линий.

Была ответчиком, истцом.
Господь сподобил быть творцом,
Ты – ящеркою желто-синей.

5.

Ты – ящеркою желто-синей

В песок горячечный встал?

Ты раскалялся, как металл,

От бесполезности усилий?

Цикады громко голосили,

Когда, до зорьки протрадав,

По капле душу распродав,

Ты спал, – они тебя бесили?

Взбешённый этой мелюзгой,

Мечтой ты тешился благой?..

И так же, как и жив, – ты здрав?!

Зачем же – сладостным певцом –

Манил ты лавровым венцом

Меня на волю, в чахлость трав...

6.

Меня на волю, в чахлость трав

Отправили – и воскресили!
Пейзажа в мире нет красивей,
Когда идёшь, плечами пав.

Где каждый кустик величав, –
Ты просто рад небесной сини!
И ни к чему тонуть в трясине,
Зачем-то воздуха набрав.

Там, дорогой, не стать брюзгой.
Других – озлобленной каргой –
Не клясть, с собой не совладав.

Трудолюбивейшим скворцом
Построить просто дом с крыльцом, –
Где буйство ядов и отрав.

7.

Где буйство ядов и отрав,
Там, убежав от суеты, – я,
Дней чтя песчинки золотые,
Привычки узы разорвав, –

Не стану, кожу ободрав,
В сердца стучаться, чтоб впустили,
Грехи – как в церкви – отпустили, –
Рыдать, с собой не совладав,

Чтоб там избавился «изгой»
От пут, свивающих тоской,
Подобно липкой паутине.

Ты ж, не стреноженный кольцом,
В дому, что можно звать дворцом, –
Пусти – и счастлив будь отныне.

8.

Пусти – и счастлив будь отныне.

Труби, победный клич издав.
Я, для порядка порыдав,
Но не создав нужды в плотине,

Приставшей намертво рутине
Последний взмах ресниц отдав,
Жить по-другому возжелав, –
Нарву серебряной полыни.

Душой бескрылой и строкой,
И обескровленной рукой –
Спешить не стану на огонь.

В пустыне тоже люди есть.
Вдохну я полной грудью здесь.
Молись о милой, но другой.

9.

Молись о милой, но другой.

Лишь погоди, – любовь нахлынет
Туманом глаз, волною линий,
Волос волнующей рекой.

Цветком, дарящим непокой
И ароматом сладкой дыни,
Напитком в сказочном кувшине,
Духами свежести морской...

Ты мне, с обветренным лицом,
Пропахшей мятой-чабрецом,
Грустинкой тёплой людской, –

Найди замену – в два щелчка!
Твоя любовь близка, легка, –
С фигурой стройной и ногой.

10.

С фигурой стройной и ногой –
Подобна хрупкой балерине –
И я забуду об унынье,
Расстанусь с горечью, тоской

И в ситуации такой –
Будь и монахини невинней –
Ходи я даже в мешковине,
В тряпье, – не в шубе дорогой, –

Родную душу отыщу,
Себе ошибку разрешу, –
Придёт конец моей кручине.

А ты, любимый – пей до дна.
Чтоб жгла и жгла тебя вина
Глазами хладнокровной сини.

11.

Глазами хладнокровной сини

Тебя, я знаю, – не смутить!

С тобою быть – впустую вить

Гнездо в прохладной мутной тине.

Продрог насквозь огонь в камине,

Ещё полмира, может быть.

Тебя так холодно любить...

И мне – не греть тебя отныне.

Не отворять закрытой двери.

И – не вздыхать мне о потере –

Здесь вздохи были не в чести...

Я так давно хотела лета –

Не захотел ты знать про это.

Не злись, не сетуй, не грусти.

12.

Не злись, не сетуй, не грусти...

Тебе же нравится свобода.

Не день, не месяц, не полгода –

Ты вечность сможешь обрести.

Держи её, сожми в горсти.

Свободным быть – такая мода.

И ей – единственной – в угоду

Режь, не жалея, до кости.

Чтоб каждый шёл своей дорогой, –

Расстаться надо за порогом,

Идти куда-нибудь, идти...

Мы не привыкли расставаться,

Но не желаю я остаться.

Прости. Лишь вслед перекрести.

13.

Прости. Лишь вслед перекрести.

И не психуй, лицом белея.
Не злись, от ярости хмелея, –
Что только б ноги унести.

Мне – до себя бы дорасти,
Не то, что там до юбилея;
Щекой, как в юности, аляя, –
Лет девять-десять поцвести!..

Куда бы вдруг ни занесло –
В деревню, дальнее село –
Скучать могу о кофеине,

О новой книге, словаре...
Но я скажу в любой дыре:
«Мне хорошо в моей пустыне».

14.

«Мне хорошо в моей пустыне».

В ладу рассудок и душа.
Хожу вольготно, не спеша
И каждой кланяюсь былине.

От тёплых рук – подобна глине –
Покорна я и хороша.
Хоть нет в карманах ни гроша –
Претензий нет к судьбе-судьбине.

Я вместе с солнышком встаю.
Я вместе с птицами пою.
Спасибо бывшей половине.

Как никогда и как нигде –
Люблю себя, люблю людей.
Ты говоришь, мне жить в пустыне.

15.

Магистрал

*Ты говоришь, мне жить в пустыне.
Наверно, ты, мой милый, прав.
Сказался мой стержневой нрав,
Когда влюблённость поостыла.*

*Ты ящеркою желто-синей
Меня на волю, в чахлость трав,
Где буйство ядов и отрав, –
Пусти, – и счастлив будь отныне.*

*Молись о милой, но другой –
С фигурой стройной и ногой,
Глазами хладнокровной сини.*

*Не злись, не сетуй, – не грусти.
Прости, лишь вслед перекрести.
«Мне хорошо в моей пустыне».*

18.03.2018 г

СИНЕЕТ СЕНТЯБРЬ СЕНТЯБРИНАМИ

Венок сонетов

1.

Несносен с друзьями старинными,
Увы, не богат мандаринами, –
Туманами славится белыми,
Ветрами – как жизнь – оголтелыми,

Дождями – большими и малыми, –
Страстями – как сны – небывалыми,
Кострами, полынью горчащими,
В которых сгораем всё чаще мы.

Он плащ не подарит просящему,
Не спросит, зачем же он, плащ, ему.
А если подарит, то – вырядит!..
Введёт в лабиринт, да – не выведет!

Цветами простыми, невинными –
Синеет сентябрь сентябринами!

2.

Синеет сентябрь сентябринами!

Балует ночами нас длинными
И днями отчаянно светлыми,
Когда не жара, – да согреты мы.

Когда все приметы – хорошие,
Плохие в былое отброшены, –
Разрушит надежды и помыслы,
Воздаст и деревьям, и поросли!

Былинками всех – невесомыми –
Согнёт, изобьёт буреломами,
Окрасит багрянцем ржавеющим
И к золоту всё ж тяготеющим.

То очи потупит плаксивые,
То кажет натуру спесивую.

3.

То кажет натуру спесивую, —
Озимые — «сдобрит» крапивою!
Погубит, захлещет их ливнями,
Как лапами вытопчет львиными, —

То сыплет червонцами медными,
Чтоб пожили месяц безбедно мы,
Рябин подрумянит соплодия,
Интимно нашепчет мелодию,

Простую, как просто дыхание
И лёгких снежинок порхание,
Как мята, как мякоть арбузная,
И грустную-грустную-грустную.

То кошкой крадётся игривою,
То манит поспевшею сливою.

4.

То манит поспевшею сливою,
То стелется рыжею гривую,
По крышам гремит абрикосами,
Шуршит и шуршит сенокосами,

Поникшей дрожит паутинкою,
Чернеет усталой тростинкою.
Кукушкой – в порыве сердечности –
Кукует сентябрь о вечности! –

То вдруг, дни и ночи погожие
В пучину толкнёт бездорожия.
Быть может, любим он поэтому
Художниками и поэтами:

То скалится нищенкой дикою,
То глянет луной круглоликою.

5.

То глянет луной круглоликою –
Войну напорочит великую!
Пригреет беду подколодную,
Зимой замаячит голодною.

В ознобе горячечном бредовом
Напомнит о времени дедовом
От выстрелов лицами чёрными
И душами огнеупорными.

Смеясь над мечтами и планами,
Заест, замордует туманами.
А то – над дворцами и хатами –
Сентябрь расцветёт звездопадами!

То бродит, зловеще хихикая, –
То спутает, вдруг, повиликою.

6.

То спутает, вдруг, повиликою,
Одарит грибами-брусникою,
То птицей стреноженной носится,
То – шалый – на ужин напросится!

Дохнет одуряюще розами,
Чтоб помнили вешние слёзы мы,
И выстелет мир самоцветами, –
Чтоб ждали его даже летом мы.

Сентябрь в людском муравейнике
Смешает – с фальшивыми – ценники.
Вина молодого-весёлого
Плеснёт... и закружатся головы!..

Подарит нам сны, где распяты мы,
А то – воспыхает закатами.

7.

А то – воспыхает закатами,
Присушит глазами-агатами.
Украдкою, тайными бродами
Придёт мой сентябрь огородами.

Придёт, – изведёт лихорадкою,
На души наивные падкою.
Мечтой заморочит несмелою,
Нелепою и пустотелою.

Одарит молвой за оградами,
На вечность – досужими взглядами.
Шагами растает неслышными
Под старой засохшею вишнею.

Останется в памяти датами,
На счастье и горе богатыми.

8.

На счастье и горе богатыми

На вечную плёнку отсняты мы.

Смешны и понятны заранее

Все наши терзанья-дерзания!..

Под грозами душеразрывными,

Горя волдырями крапивными, –

Убогими комедиантами –

Бездумно транжирим таланты мы.

Бессмысленно льстим и злорадствуем.

Бессмысленно горю препятствуем.

Бессмысленны снов предсказания,

На гуще кофейной гадания...

Сентябрь – всех предвестий предвестие!

Он – рыжеволосая бестия!

9.

*Он – рыжеволосая бестия,
Норд-вест-и-зюйд-вест-перекрестие, –
Богат колокольными звонами
И чаяньями потаёнными.*

Считает удачи по осени,
Не прячет белёсые проседи,
А днями-ночами недужными
Он нас объявляет ненужными.

И мы – этой жизни заложники –
Рабы ли Христа, иль безбожники, –
Пустыми надеждами греемся,
Привычно на что-то надеемся.

Сентябрь – Сказки Сказок чудеснее –
Не лучшие дарит известия.

10.

Не лучшие дарит известия, –
Пусть даже он мая прелестнее, –
Роскошный, дородный, блистающий
И в бешеном круге – пристанище.

Он путает грешное с праведным,
Ошибки трактует неправильно.
Под зонтиком шляется-мается,
Весь вымокнет, – чуть зазевается!..

Добром – несмотря на распутицу, –
Согреет синицу и утицу...
Причину найдёт неборимую, –
Покажет натуру гневливую.

Разбудит все ветры глубинные,
Чтоб стаи поднять журавлиные.

11.

Чтоб стаи поднять журавлиные, –
Срывает верёвки холстинные
И машет штанами и майками, –
Цветными крылатыми чайками...

Как будто по нотам, – по брёвнышкам
Он скачет улыбчивым солнышком,
Игривым конём необъезженным,
Июнем-июлем изнеженным.

Играет он в прятки с бурьянами,
Шумит с камышами, чуть пьяными.
И долг сентябрей – нескончаемый –
Он помнит, печалась отчаянно:

Огни зажигает каминные,
Дожди насылает полынные.

12.

*Дожди насылает полынные,
Печёт пироги именинные.
Подарки незванно-нежданные
Он сыплет небесною манною.*

Огружен алмазными росами.
Пред ним – просто голы и босы мы.
До выдумок падок – стоглав, столик,
Таинственен и – в простоте – велик.

Но кто виноват, тем не менее,
Что выцвело солнце осеннее...
Уж точно, не грозы сентябрьские
И не листопады октябрьские.

Не осени тайны извечные...
А мы, по-апрельски беспечные.

13.

*А мы, по-апрельски беспечные,
Хвостатые полосы Млечного
И звёзд золотые вкрапления
Рифмуем, – до самозабвения.*

От дачи слегка отдохнувшие,
Всей грудью бензина вдохнувшие,
Когда устаём от провизоров, –
Ругаемся – блин – с телевизором.

Сшиваем мы, духом не падшие,
В гербарии – лавры увядшие
С тиснением имени-отчества...
Один-на-один – с одиночеством.

Любуясь ромашкой горшечною, –
Не помним про капли сердечные.

14.

Не помним про капли сердечные,
Хоть дом – будто лавка аптечная.
Когда-то здесь были здоровыми,
Красивыми, черноголовыми.

Распахнуты настежь, удачливы,
Цепями не скованы мрачными.
Когда-то здесь были мы счастливы,
Теперь – осторожны-опасливы.

Поблекли все светочи, сгнули.
Холодные ветры нахлынули...
Сентябрь проник через форточку,
Чтоб годы считать через чёрточку.

Он славен – цветами карминными,
Несносен с друзьями старинными.

15.

Магистрал

Несносен с друзьями старинными, –

Синеет сентябрь сентябринами!

То кажет натуру спесивую,

То манит поспевшую сливою,

То глянет луной круглоликою,

То спутает вдруг повиликою.

А то – воспыхает закатами,

На счастье и горе богатыми.

Он, рыжеволосая бестия,

Не лучшие дарит известия.

Чтоб стаи поднять журавлиные, –

Дожди насылает полынные!

А мы, по-апрельски беспечные, –

Не помним про капли сердечные...

10.11.2017 г

**НЕ ЖАЛЕЙТЕ МЕНЯ,
Я СЧАСТЛИВАЯ**

Венок сонетов

1.

Не жалейте меня, я счастливая.

Пусть и тяжёк сундук мелочей,
Неудач и бездумных ночей,
Душу рвёт он, как лето дождливое, —

Только я на скамейке под ивою
Не страдаю давно, не реву.
Укатилось колечко в траву, —
Отыщу, чтобы бросить с обрыва, я.

Скоро лист весь под ноги уронится.
Станет ива, подруга-поклонница,
Привечать бесприютных грачей.

Я, бумагу без жалости комкая,
Напишу строчки звонкие, ёмкие, —
И богата, как сто богачей.

2.

И богата, как сто богачей,

И, как птица весной, хлопотлива я, –
Всё же, сгинули неторопливые
Птичьи стаи в сиянье лучей.

А когда сгубят ветры листву,
Обнажив дерева говорливые, –
Пирогов наварганю с крапивою,
Музу в гости к себе позову, –

Грянут враз колокольни и звонницы,
Времена позабытые вспомнятся,
Глаз пыланье под двести свечей...

Тропки хрумки, лужицы ломкие... –
Закружит в белом танце с позёмкою
Щедрый, преданный мне казначей.

3.

Щедрый, преданный мне казначей,
Не ругай меня, – не бережлива я.
Но – хранима тобой – не пуглива я,
Хоть видала – увы – пугачей.

Не взыщи, если жду наяву
Сладкий сон, что вовек не исполнится,
Что печали минувшие помнятся, –
А плыву по теченью, плыву...

Подари родников и ключей
Столько, чтобы оркестр скрипачей
Душу выжег под старую сливою.

Я за это – стихов настрочу
И – сторицей – тебе заплачу,
Мой октябрь с огнерыжею гривую.

4.

Мой октябрь с огнерыжею гривую,
Торопливый, как горный ручей,
Бог ничей и любовник ничей –
Зелье-яд молодое-игривое.

Поиграл с сиротливою нивою,
Опоил буйной брагой плотву,
Всю другую в округе братву –
Молчаливую и суетливую...

Ни печали теперь, ни тоски.
Звёзды-крохи так странно близки...
По ночам и дождит, и туманится.

Запах мяты щекочет в носу.
Целый мир я в охапке несу, –
Даром, что рождена бесприданницей...

5.

Даром, что рождена бесприданницей –
В закромах серебро-жемчуга
И ещё кой-какие блага,
Что, надеюсь, на завтра останутся...

А сегодня – не грех подрумяниться,
Льдинкам глаз выдать статус очей,
Взять за пазуху ноль кирпичей, –
Кто-то глянет, а кто – и оглянется...

Поплывут из-под верной руки
Облака сквозь полынность строки,
Смело выведут рифмы канву.

Вскроют тайну стихи-острова.
Станет ясно – молва неправа,
И затворницей – в общем – слыву.

6.

И затворницей – в общем – слыву,
И причины не вижу отчаяться, –
А случается вдруг опечалиться, –
Ем подряд апельсины, халву...

Не рыдаю, не жду, не зову.
Пораженья, победы и праздники...
За окошком шумят безобразники...
Я пишу за главою главу.

Про скалу и погибшего ворона,
И про небо, что молнией вспороно,
В платье чёрном – воронью вдову...

Мне бы только быть живу до осени,
До прохладно-пронзительной просини, –
Запою, сентябринок нарву.

7.

Запою, сентябринок нарву.

Сердце вдрызг, – разлетятся осколки!

Загрустят-запылятся на полочке

Джо Дассен, Адамо, Азнавур...

Трын-траву, чьих-то глаз синеву

Сохраню – оберегами – в памяти.

Чтоб не согнуть в бушующей замяти,

Трудным счастьем я их назову.

Если счастье копить и копить,

Днём и ночью вдыхать его, пить, –

Не заметишь, что хмурится-хмарится.

Если быть оберегом самой,

То не согнуть от стужи зимой,

Недосуг мне печалиться-стариться.

8.

Недосуг мне печалиться-стариться.

Бабий век натянул тетиву,
Молодую сгубил мураву.
Глупо думать, – другим не достанется.

Несговорчив, упрям, будто пьяница,
Тороплив он, горяч и красив.
Беззастенчивой власти вкусив, –
С ней он вряд ли когда-то расстанется.

Только гляну, – стоит во дворе
Ива юная в дивной поре,
Веткой в окна раскрытые клонится, –

И нагрянут счастливые сны,
Стихобденья, светлы-зелены...
Не беда, что в подругах бессонница.

9.

Не беда, что в подругах бессонница.

Я привыкла к её воровству.

Много лет с ней бок о бок живу,

Без неё только детство и помнится...

Там в окошко стучалась шелковица.

И гирлянды лиловые слив

В тайну кутали белый налив, —

Деревенская вольная вольница!..

Только — вот ведь... — другая беда:

Поезд в детство сгубили года.

Что ни делай, он с места не тронется!

Лучше, всё ж, постараться уснуть.

Буду счастлива снова чуть-чуть:

Сны — как псы — за апрелями гонятся.

10.

Сны – как псы – за апрелями гонятся.

От цветущих каштанов светло
И, завистникам вечным назло, –
Я – влюблённая юная школьница...

Почтальоном – печальная горлица,
Опустив на крыльцо письмоце,
Наследивши цветочной пылью, –
Вновь воркует, зовёт за околицу...

Будто поры на коже, – мгновения,
Эти сны молодые-весенние.
Только сердце тоскою светло...

Угораздило ж осенью маяться, –
День грядущий о ночь спотыкается,
Лето выцвело и отцвело.

11.

Лето выцвело и отцвело.

Послевкусием – горечи жжение.
Холодов неизбежно вторжение, –
Да не верится, что всё прошло.

Чаще солнышко хмурит чело,
Хоровами – тучи угрюмые.
Страсть-безумье, о прошлом не думая, –
Написать снегопад набело.

Пусть ветра сбить стараются с ног,
Плащ последний измялся, промок
И бреду по исхоженной кромке я, –

Слышу музыку прожитых дней
Неприкаянной песни моей.
Не беда, если песня негромкая.

12.

Не беда, если песня негромкая

Канет вдруг за безмолвием крыш, —
В час надежды случается тишь,
Новогоднею грезится ёлкой.

Вспомнить эту красавицу колкую, —
Как волшебницу встретить во сне,
Как дышать и дышать по весне
Духом хвои от лапы с иголками...

Даже если невесело мне,
Как забытым часам на стене,
Как сирени, поникшей метёлкою, —

Я надеюсь, зима мне дана,
Чтобы пела со мной тишина...

Не беда, что пою про потёмки я.

Не беда, что пою про потёмки я.

В темноте видит глаз светлячков

И отыщет звезду без очков.

А шалаш – обернётся светёлкою.

Я – девчонкой задумчивой с чёлкою –

Обожаю, увы, погрузить...

Было б лучше мне пальцы скрестить:

Песни петь – как Восток – дело тонкое.

Вторить эхом снежинок падению,

Вою ветра, сверчку-наваждению

Под раскидистой старой ветлой –

Это высшее, всё ж, наслаждение.

Грусть-печаль, но всегда, тем не менее,

На душе и легко, и светло.

14.

На душе и легко, и светло,
Вновь октябрь акварелью волшебною
Споро пишет картины целебные,
Солнце ласково вдруг припекло.

Пусть дрожит от ненастий стекло,
Пусть пугает бессонница ночью,
Пусть корит ненаписанной строчкою, –
Время тихо опять потекло...

Если я и мечтала о чём,
Это – тихий задумчивый дом...
Это время моё молчаливое.

Это – в книгах – сухие цветы,
Это строчки, – как росы – просты...
Не жалейте меня, я счастливая.

15.

Магистрал

***Не жалейте меня, я счастливая
И богата, как сто богачей.
Щедрый, преданный мне казначей –
Мой октябрь с огнерыжею гривойю.***

*Даром, что рождена бесприданницей
И затворницей – в общем – слыву, –
Запою, сентябринок нарву, –
Недосуг мне печалиться-стариться.*

*Не беда, что в подругах бессонница,
Сны – как псы – за апрелями гонятся,
Лето выцвело и отцвело...*

***Не беда, если песня негромкая,
Не беда, что пою про потёмки я, –
На душе и легко, и светло.***

04.01.2019 г.

КОГДА УХОДИТ НАШЕ ЛЕТО

Венок сонетов

1.

Быстрей, быстрей Земля кружится.

Тень погребального венца
Жестокой тяжестью свинца
На сердце каждое ложится.

И пусть оно устало биться,
Подобьем звона бубенца
Нас мысль терзает: до конца
В мечту и жизнь – опять влюбиться!

Пусть безнадежно, но так нежно
И так, мой друг, совсем безгрешно,
Как не умеет молодой.

И помнить каждое мгновенье, –
Чтоб кануть в озере забвенья,
Звезда сгорает за звездой.

2.

Звезда сгорает за звездой,
Чтоб тьма казалась нам сильнее.
А зябкий дождь всё холоднее, –
Чтоб стать слезою, не водой.

Друзья уходят чередой.
Что горше может быть, больнее!
Прически наши всё белее,
Посеребрённые бедой.

Но всё красивей листопады,
Всё чище, чаще снегопады
И тучи – синею грядой.

Давно написано про это:
Когда уходит наше лето,
Острее пахнет резедой.

3.

Острее пахнет резедой.

Дожди тоскливые нередки.
Стрекозы днём дрожат на ветке,
Блестя шершавою слюдой.

Ус винограда, завитой
В замысловатые виньетки.
Ночами шёпоты в беседке,
Листвой укрытой золотой.

Вскипает поздняя слеза:
– Зачем ты жил, закрыв глаза, –
Ведь время всё быстрее мчится!

С годами, люди говорят,
Семья дороже всех наград
И всё милей родные лица.

4.

*И всё милей родные лица,
Всё драгоценней каждый миг.
Довольно распрей и интриг,
Больших и маленьких амбиций!..*

Когда дано побед сторицей,
Вреда, – не проку – больше в них.
Ты в жизни многого достиг, –
Знать, время истово молиться!

Пусть льётся дождь и вкривь, и вкось,
В окно стучит рябины гроздь
И – хороводами – зарницы,

Жить не даёт мыслишка-гвоздь:
– Ты на Земле – всего лишь гость!..
О, Боже, первый снег ложится!

5.

О, Боже, первый снег ложится!

Мир пеленая белизной
Снежинок, росписи резной,
Кружится вьюга белой птицей.

То увлажнит она ресницы
Росинкой лёгкой неземной,
То глянет строгою зимой
И на висках засеребрится.

Пусть ничего не изменилось,
И жизнь, как будто, лишь приснилась
Дней уходящих чередой, –

Гонимы вьюжной круговертью,
Спешим сорвать цветы бессмертья.
Весь мир и прежний, но – седой.

6.

Весь мир и прежний, но – седой.

Когда-то, рук не разнимая,
Мы пили мёд и свежесть мая,
Красой играя молодой.

И пусть любовь была бедой, –
Сегодня, устали не зная,
Струится сладость неземная
С ресниц солёною водой.

Вот точка, может быть, отсчёта:
Неважно, где, неважно, кто ты
И мчат суббота за средой, –

Жизнь, как и прежде, многогранна.
Лишь чуть смешна и даже странна,
Как будто школьник с бородой.

7.

Как будто школьник с бородой,
Через года шагала юность,
Звала гитары семиструнность,
И бил копытом конь гнедой.

Большую вешнюю водой
Уйдя в полночную безлунность,
Пустыней юность обернулась,
Оставив только след седой.

А может, след нам этот скрыть
И просто бороду побрить,
Чтоб на судьбу свою – не злиться?

Судьбу принять, судьбу простить!..
Ну, разве бритве станет мстить
Недогадавшийся побриться!

8.

Недогадавшийся побриться!

Оставь седины, не смей.

Посмей влюбиться от души,

Как летним днём – воды напиться.

Влюблённых не стареют лица!

Убей сомненья, задуши,

Себе свободу разреши,

Посмей отчаянно влюбиться!

Из странной выберись пурги,

Единой буквой не солги, –

Впиши строку в миротворенье,

Вплети ромашку и вьюнок

В увядающий венок.

Прошла, как день, пора цветенья.

9.

Прошла, как день, пора цветенья.

Приметы бренности вокруг.

И обнажаются, мой друг,

Твои потери-обретенья.

Вот времена, сродни прозрению,

С небес свалившемся вдруг,

Когда чудес всё уже круг,

Всё чаще, ярче озаренья.

Под гром небесных звонарей

Земля вращается быстрее,

И – не замедлить ускоренья!

Небес всё та же глубина,

И всё же, осень – не весна!

Погибли стебли и коренья.

10.

Погибли стебли и корни.

Но, жить живому повеля, –
Всё хлещут ливни на поля,
Как повелось от Сотворенья!

И даже сладкою сиренью
Запахнет ветер иногда
И опьянит, через года
Создав из воздуха – творенье!

И пусть, увы, цветы погибли,
След в *книге памяти* – незыблем,
Остались лица, имена...

Кого-то время сиротило,
Сучки и ветки поглотило, –
Но живы в почве семена.

11.

Но живы в почве семена.

И смерти нет. И вновь апрели

Вовсю цветами запестрели.

И чья-то царствует весна.

Садов цветущих белизна,

Птиц опьяняющие трели

И песни те, что не допели

В былые, *наши* времена.

Семян взлелеянных ростки,

Благодаря и вопреки, –

Взошли и выросли немного.

Нам истребить бы сорняки,

Отвадить злые сквозняки...

Пусть жизнь – от печки до порога.

12.

Пусть жизнь – от печки до порога,
Чудес довольно в каждом дне.
Под Взглядом ласковым извне
Дышать легко – уже так много!

Луна, бледна и круторога,
Ночами бродит по стене,
Собой любитесь в стекле
И ждёт возвышенного слога.

О, не оставь, чудесный слог!
С тобой един, врачует Бог
Рубцы вчерашнего ожога.

Оставишь, – снова обожжёшь,
И согнуть можно ни за грош.
И наша кончится дорога.

13.

И наша кончится дорога.

Когда уйдём за облака,
Где ждёт нас *вечности река*, –
Чтоб подвести черту итога...

Вам тоже боязно немного?

Ну, вот, уже дрожит рука,
Сползает кляксою строка.
Разгадки поздняя изжога:

Нас поглотила повседневность,
К бесстрашным злость,
К счастливым ревность.
Вина, к тому же, не одна.

А для кого сияют звёзды?!
Увидеть их ещё не поздно.
Грядут другие времена!

14.

Грядут другие времена!

Ну, а пока – пылает осень.
И каждый дождик судьбоносен,
Росинка каждая важна.

Как нерв, душа оголена,
Весь мир ужасен и несносен,
Но пожинаем мы и косим,
И сыплем в почву семена...

И всё ж, понять не каждый смог:
Сильнее смерти – только Бог,
Чей перст в окно твоё стучится!

Как гулко эхо голосов.
Как громко тиканье часов.
Быстрее, быстрее Земля кружится!..

15.

Магистрал

Быстрее, быстрее Земля кружится!

Звезда сгорает за звездой.

Острее пахнет резедой

И всё милей родные лица.

О, Боже! Первый снег ложится!

Весь мир и прежний, но седой,

Как будто школьник с бородой,

Не догадавшийся побриться.

Прошла, как день, пора цветенья.

Погибли стебли и коренья,

Но живы в почве семена.

Пусть жизнь – от печки до порога,

И наша кончится дорога, –

Грядут другие времена!

Апрель – июнь 2013 г

ЗЕМЛЯ. ВОДА И ОСТРОВКИ...

Венок сонетов

1.

Земля. Вода и островки...

Казачьих песен нет за Доном...
И Дона нет... Мостом понтонным
Меж островками – бугорки...

Никто не косит колоски.
Им, повиликою сплетённым,
Тугим, оранжево-зелёным, –
Не быть печеньем из муки.

Давным-давно беда пришла...
Зверьё сгубила и природу.
Без счёта сгнуло народу.
Руины, мёртвые тела...

Остался ветер с пеплом чёрным
Под небом кипенно-бездонным.

2.

Под небом кипенно-бездонным,
Когда весна ковры ткала,
Жизнь-лодка трещину дала,
Не стало места здесь законам.

Был каждый глух к слезам, канонам.
Ржа извела колокола.
И все, от стара до мала,
Деньгам молились, что иконам.

Лишь – вопреки гнилым препонам,
Новейшей вере вопреки, –
Не унывали земляки,
В святое веря затаённо.

Питали – нервом оголённым –
Спор молний с ветром полусонным.

3.

Спор молний с ветром полусонным...

И вдруг, беда змеёй вползла, –
Дурное воплощенье зла, –
Огнём дохнула раскалённым.

Теперь, под солнцем закопчённым, –
Вплоть до медвежьего угла, –
Взамен собаки ли, щегла
И паутинки над паслёном,

Скамейки под цветущим клёном
И клёна – только угольки.
Вокруг гуляют сквозняки,
Стволы ломая чёрным кронам.

Колокола полны тоски...

И васильки... и васильки...

4.

И васильки... и васильки,
Цветам подобны утончённым,
В шелка и бархат облачённым, –
Таращат синие глазки.

Они к отчаянью близки
И были б рады и воронам,
Их глоткам – кар-кар-кар – лужёным...
Но на сто вёрст – лишь сорняки.

Беда сгубила всё, сожгла.
Лишь через множество столетий
Над этой выжженной планетой
Взмахнут хоть чьи-нибудь крыла.

Сольются в реки ручейки,
В пустом пространстве родники.

5.

В пустом пространстве родники

Причин не помнят и резонов,
Зачем в них бархатным сезоном
Бросали люди медяки.

А молодёжь и старики,
Чтоб подышать чуть-чуть озоном,
Вскрыть лоб загаром золочёным, –
Затягивали пояски.

Тогда и взрослые, и дети
Бежать от дома взяли моду.
И жили – моде той в угоду, –
В мечтах об отдыхе и лете.

На каждом месте том исконном
Ключи взлетают с перезвоном.

6.

*Ключи взлетают с перезвоном,
Фонтанов струи, рвёт их ветер.
Теперь он здесь за всё в ответе.
Его лишь трон – глава всем тронам.*

*Лишь ветер, помня обречённых,
Спустя два-три иль пять столетий, –
Утешится простором этим
Степей, с лугами обручённых.*

*Есть одиночества затонов,
К нещадной панике близки;
Есть послевкусие тоски,
Перерождённое из стонов,*

*И в небе светлом, удивлённом,
И в мире чистом, обновлённом.*

7.

И в мире чистом, обновлённом,
В мечтах родную душу встретить,
Жука живого заприметить –
Звезда висит резным кулоном.

Травой поросших терриконов
Осталось много так на свете –
Один, второй,.. а вон и третий...
Падёт звезда – и мчит с разгона,

Сверкая золотом червлёным,
Вздымая травы и пески,...
Теряя жжёные куски...
И догорая обречённо...

Забавы звёздочки горьки...
Исток рождается реки...

8.

Исток рождается реки...

Неудержимо солнце светит.
Скучает каждый куст на свете,
Скучают рыжие пески.

Грустят о людях ветряки.
От вздохов их и междометий –
На пролетающей комете
Мигают, гаснут огоньки.

Вода струится упоённо
На протяжении веков
В объятья прежних берегов,
Что так же – бережно-бетонны.

Давно молчат колокола.
Уже жужжит-поёт пчела...

9.

Уже жужжит-поёт пчела.

Ей по душе её свобода.
Всё зеленее, год от года,
Земля, что пеплом поросла.

Она тревожно так спала,
Как не спала доньше сроду.
Теперь, лелея взглядом всходы,
Вздыхает каждая скала:

– Без человека дни горьки...
Нет проку в сочных медогонах.
И в мандаринах, и в лимонах...
Увы, хозяйской нет руки...

Стряхнула оторопь природа,
Благоухает диким мёдом...

10.

Благоухает диким мёдом

Цветов янтарная смола.
И хвои каждая игла
Слагает каждой ёлке оду.

Покрыла зелень пни-колоды,
И бури крепкая метла
Былинок умерших тела
Метёт, с восхода до восхода.

Она людским подобна жёнам,
Что, не жалеючи руки,
К досадной фобии близки,
Дарили стёклам лоск оконным.

Здесь не найти в былое брода.
Но помнит всё – увы – природа...

11.

Но помнит всё – увы – природа...

С Возницей вместе на карете
Кружат пылинки лихолетий
По золотому небосводу.

Пылинки чёрною невзгодой
Давно осели на манжете
И на малиновом жилете,
Гнетут, тяжёлою колодой.

Лицо Возницы скорбно-строго
Во тьме ночей и на рассвете,
На месте храма иль мечети, –
В нём след душевного ожога.

Планета вроде б ожила, –
Мелькает чёрная зола...

12.

Мелькает чёрная зола...

В былом растаяли тревоги,
Но все дороги и пороги –
Подобье битого стекла.

Минувшего седая мгла
Идёт сквозь время неотступно,
То отгоревшей веткой хрупнув,
То тенью призрачной крыла...

Планета, скорчившись и сгорбясь,
О людях бредит наяву,
Как будто глобус на плаву,
Пустынный и безлюдный глобус...

Покрылась зеленью ветла,
А ива косы заплела...

А ива косы заплела...

Но жизнью жизнь тогда лишь станет,
Когда вся боль в былое канет,
Уйдёт из норки и дупла.

Земля как будто бы цела...
Но страшно ей весною ранней,
Что снова гром над нею грянет,
Злом пыхнет молнии стрела;

Что человека времена,
Вернувшись, всё опять разрушат —
Цветы, дома, деревья, души...
Дотла, до боли, дочерна.

Чтоб возродить колокола,
Планета снова зацвела.

14.

Планета снова зацвела...

Мечтать о людях страшно, вредно.
Они, пусть сгнули бесследно, –
Ей принесли немало зла.

Дожди отмыли добела
Её лицо, наряд небледный –
Но будет жизнь пустою, бедной,
Пока молчат колокола.

Литые медные колоссы
От воскресений до суббот
Скучают без людских забот,
Давно ржавеют безголосо...

В мечтах, рассудку вопреки, –
Земля, вода и островки...

15.

Магистрал

Земля. Вода и островки...

*Под небом кипенно-бездонным
Спор молний с ветром полусонным
И васильки...и васильки...*

*В пустом пространстве родники,
Ключи взлетают с перезвоном.
И в мире чистом, обновлённом
Исток рождается реки...*

*Уже жужжит-поёт пчела,
Благоухает диким мёдом...
Но помнит всё – увы – природа,
Мелькает чёрная зола...*

*А ива косы заплела... –
Планета снова зацвела...*

Май-декабрь 2020 г.

Содержание

Почему венки?.. <i>От автора</i>	4
Молись о милой, но другой	7
Синеет сентябрь сентябринами	23
Не жалейте меня, я счастливая	39
Когда уходит наше лето	55
Земля. Вода и островки.....	71

Павленко Клавдия

БЛАГОДАРЯ И ВОПРЕКИ

Венки сонетов

В авторской редакции

Верстка и оформление И. Сиренко
Директор издательства А. Береговой

Издательство Литературного фонда
России «Донской писатель»
Адрес: 344000, Ростов-на-Дону,
пр. Шолохова 1 оф. 2.
Тел. 8-918-599-67-51.
e-mail: donpisatel@yandex.ru
При участии ХМТП «Орфей»

Подписано в печать 27.04.2021 г.
Формат 60x84 1/32 Объем 3 у.п.л.
88 стр. Обложка 7БЦ.